

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ ПЛАНЕТЫ

FOLIO

Знаменитые люди планеты

Михаил Загребельный

Лев Троцкий

«Фолио»

2011

Загребельный М. П.

Лев Троцкий / М. П. Загребельный — «Фолио»,
2011 — (Знаменитые люди планеты)

Лев Троцкий - одна из самых загадочных фигур в истории советского государства. С его именем связаны ключевые события страны - октябрьская революция, приход к власти большевиков, заключение Брест-Литовского мира, гражданская война, "красный террор"... Именно Троцкий помогал Ленину в организации октябрьской революции, а затем стал самой яркой фигурой в большевистском правительстве. Вот что говорил философ Николай Бердяев: "Бесспорно, Троцкий стоит во всех отношениях многими головами выше других большевиков, если не считать Ленина. Ленин, конечно, крупнее и сильнее, он глава революции, но Троцкий более талантлив и блестящ". Так мог ли такой человек не иметь врагов?

© Загребельный М. П., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Он потряс мир	5
Детство. Южноукраинское село Яновка. 1879-1887	8
Но Одесса лучше. 1887-1896	12
Николаев. 1896–1898. «Товарищи по саду». Первая любовь. Первый арест	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Загребельный Михаил Павлович Лев Троцкий

Он потряс мир

Завтра наступит 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года, дата публично заявленного большевистскими вождями из ЦК РСДРП(б) восстания в Петрограде. А сегодня, в 11 утра, в Мариинском дворце глава Временного правительства Керенский пообещал им, старым большевикам, немедленную, решительную и окончательную ликвидацию. На третьем этаже Смольного, здания Института благородных девиц, в маленькой угловой комнате сушит голову штаб переворота – Военно-революционный комитет (ВРК). Где Ленин (Старик)? Ясное дело, в подполье, а вдруг он опять свою излюбленную «утку» запустил? Охоч Старик желаемое за действительное выдавать. А Сталин (Коба), член ВРК, где? Неужто сдрейфил? Пропал Коба, как в воду канул, бесследно, и никто не ведает куда. Ох, не получился бы вместо революции кочевой разбой, этакая баранта. Молодец Каменев. На пожарный случай для побега из Смольного крейсер «Аврора» приготовил. И обставил все красиво. Мол, не волнуйтесь, товарищи рабочие с Выборгской стороны и кронштадтцы! Мы, если что, с вами навек, только на крейсер перебазируемся и будем через репродукторы команды подавать. Ох, не пришлось бы чудакам драпать от юнкеров!

ВРК пребывает в растерянности и тревожных предчувствиях. Штаб Петроградского военного округа замер в ожидании более 60 эшелонов вооруженных до зубов солдат и казаков. Их сняли с фронта по решению Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве и направили подавить бунт.

А Лев Давидович Троцкий и виду не подает, что волнуется. Тем более товарищи из ЦК не посчитали нужным отправить его в состав ВРК. Куда ему, он всего лишь один из цековцев, да вот еще недавно партия поручила Петросоветом поручить. Он литератор и оратор в штатском. Товарищи из ВРК к баталиям готовятся, а он просто мимо проходил.

Поздно вечером 24 октября на входе в Смольный охрана долго не пропускала незнакомца в потертом пальто и кепке, половину лица которого закрывала повязка из носового платка, и его телохранителя с двумя револьверами в карманах. У них оказались пропуска старого образца. В конце концов их внесла в здание толпа возмущенных заминкой военных и штатских. Некогда, товарищи, разбираться, какие у кого пропуска, белые или красные. С зарей идем на штурм!

Спустя десятилетие Маяковский расскажет в поэме «Хорошо!»:

Товарищи, не останавливаться, чего встали?
В броневики и на Почтамт
По приказу товарища Троцкого!
«Есть!» – повернулся и скрылся скоро.
И только на ленте у флотского
Под лампой блеснуло «Аврора».

На самом деле броневики понадобятся уже при новой власти, чтобы усмирять красногвардейские пьяные караулы винных складов Зимнего. Маяковский в стихах, Эйзенштейн в кино живописали свержение Временного правительства так, как последнее само себе представляло. И к которому тщательно готовилось, окружая свои административные здания войсками, возводя баррикады, обустривая пулеметные гнезда. Напрасно, их никто не собирался

штурмовать. И сам ВРК был создан по большому счету для отвода глаз и имитации намерений о переговорах с командованием Петроградского гарнизона. Когда в ночь на 25 октября инкогнито с лицом, перевязанным платком, снимет в Смольном кепку, его, гладко выбритого, в парике, никто не узнает. Он особо и не спешил раскрывать себя. Не торопился в комнату № 100, в ВРК. Он попросил своего охранника немедленно разыскать тов. Троцкого. Тов. Троцкий ответил запиской, что с нетерпением ждет дорогого тов. Ленина, все в порядке. Ленин несколько раз перечитал заветную весть. Он до последнего момента не был уверен в том, в чем убеждал его последние месяцы Лев Давидович: «...общая ситуация в стране, благоприятные или неблагоприятные обстоятельства – ничто. Восстание как машина – все. Восстание не искусство. Это удар по паралитику. Временное полуправительство отправится на свалку истории при помощи тысячи подготовленных боевиков, инженеров, путейцев, телеграфистов, спецов. Машину заводят специалисты-техники. Остановить машину смогут только техники».

К 24 октября закончились «невидимые тренировки» вооруженных групп в штатском, количеством от 3–4 до 10–25 человек, с неизменно приданными им специалистами по конкретному объекту, отлажено их взаимодействие с внедренной либо работавшей там же агентурой. Боевики под видом бестолково слоняющихся обывателей, просачиваясь через грозную и, как оказалось, бесполезную охрану, обследовали все входы и выходы главных, узловых точек, в которых пересекались линии обеспечения руководства, жизнедеятельности страны, от вокзалов до колодца с телефонными кабелями под зданием Генштаба. В назначенный час боевики Троцкого взяли под свой контроль инфраструктуру страны, что обеспечило большевикам контроль над столицей и государством.

Например, Московский вокзал Питера захватили две команды из 25 латышских стрелков, двух матросов, десяти железнодорожников и телеграфиста для контроля движения составов. Юнкера заняли в Москве Кремль и несолоно хлебавши ретировались. Большевики их выкурили цивилизованно: обесточили Кремль на электростанции на Раушской набережной, которая снабжала центр города. А движение с фронта десятков эшелонов карателей и усмирителей, последнюю надежду «временных», в гомельском узле парализовала горстка машинистов, стрелочников, сцепщиков вагонов. Это чуть не стоило жизни местному вождю переворота. Самосуду фронтовиков над саботажником помешал один из полесских большевиков, выхвативший из кармана опубликованный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания с криком: «Товарищи, руки прочь от кандидата Кагановича!» Разъяренные офицеры и казаки вмиг присмирели. Тут вам не царские порядки, а власть слуг народа.

Ночь на 25 октября отложилась в памяти Троцкого еще и голодным обмороком. Когда убедился, что все хорошо, лучше и быть не может, он отошел от раскаленного телефона, затаился на диване папиросой и впал в беспамятство. Очнулся и попросил еды. Не помнил, когда последний раз ел, точно не вчера.

Осенью 1924 года на страницах «Правды» Сталин признает: «Да, это верно, Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре». А в 1984-м оценку дал единственный оставшийся в живых участник событий непосредственно в Смольном, извечный оппонент Троцкого Молотов: «Это было единственное время, когда Троцкий держался неплохо». В библиотеке Молотова в 4-м томе собрания сочинений Сталина на полях от руки вписана часть оригинального варианта статьи «Октябрьский переворот» о ключевой роли Троцкого в переходе Петроградского гарнизона на сторону большевиков. Наступал «День седьмого ноября – Троцкий день календаря!» На смену династии Романовых после восьмимесячного антракта всерьез и надолго воцарилась партийная династия вождей-диктаторов. Льву Давидовичу Бронштейну, Троцкому, исполнялось 38 лет. Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, другие вожди пообещают, что они в Смольном временно, до января 1918 года, до Учредительного собрания, а пока даруют

народам долгожданный мир, рабочим – заводы, крестьянам – землю. Впереди же были годы нечеловеческих испытаний.

Но партия сохранит империю. Как любил повторять Троцкий, партия всегда права: «Разрешены все средства, которые по-настоящему ведут к освобождению человечества». А что касается даты 7 ноября, то заключит: «Мистики и пифагорейцы могут из этого делать какие угодно выводы. Сам я заметил это курьезное совпадение только через три года после октябрьского переворота». Человек рассеянный...

Детство. Южноукраинское село Яновка. 1879-1887

Лев Давидович Бронштейн родился по старому стилю 25 октября 1879 года в деревеньке Яновка (сейчас Береславка) на несколько недель раньше Иосифа Джугашвили. Районный и областной центры для яновчан-береславчан по сей день все те же. На расстоянии 23 километров находится городок Бобринец, основанный в 1767 году. А от Бобринца еще 54 километра до провинциальной столицы, которую маленький Лев увидел только в шестилетнем возрасте. Это Елизаветград, в 1924–1934 годах – Зиновьевск, а сейчас Кировоград. На месте крепости Святой Елизаветы, заложенной в 1754 году, к концу восьмидесятих годов позапрошлого столетия на берегу реки Ингул вырос промышленный центр, почти 140 фабрик и заводов, важный транспортный узел железной дороги Харьков–Елизаветград–Одесса. Елизаветград сыну неграмотных земледельцев, выросшему в мазанке с глиняным полом, показался прекрасным олицетворением ее величества цивилизации с тротуарами, зелеными крашеными заборами, красными шарами на ниточках, воскресшими «фараонами», как тогда называли городовых.

Когда мальчик станет взрослым, судьба забросит его во множество стольных градов, от Вены и Берлина до Нью-Йорка и Мехико, но их блеск и грандиозность никогда не затмят первого яркого детского восторга и восхищения. И не забудется тоска при возвращении к родным яновским пенатам: «Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне, в глухом углу, где природа широка, а нравы, взгляды, интересы скудны и узки». У Льва не было покупных игрушек, только раз мама привезла из Харькова бумажную лошадку и мяч. Его привилегированные ровесники из высших сословий катались на английских пони под присмотром гувернанток-француженок на набережных Лазурного берега. Саша Керенский, например, наслаждался счастливой жизнью с отцом, заведующим сразу двумя школами в Симбирске, и мамой, наследницей богатого состояния московского купца.

У Давида Леонтьевича (Львовича) Бронштейна (1843–1922) и Анны, или Аннеты, Львовны, урожденной Животовской (скончалась ок. 1910) не было наследства либо классовых привилегий. Потомки яновчан и сегодня уважительно делятся семейными воспоминаниями о Давиде Леонтьевиче. Рачительный, настоящий хозяин, правда, крутого нрава. Лев был мягче. Однажды, тогда еще ученик реального училища, он приехал из Одессы на каникулы. Увидев, как сезонным рабочим вынесли нехитрый обед в корыте, он не мешкая помчался в Бобринец и купил гору столовых приборов и фарфоровых, не фаянсовых, тарелок; позже, в голодную пору военного коммунизма, по личному указанию Троцкого в Яновку не единожды доставляли продовольственную помощь.

Фамилия Бронштейн происходит из двух слов на идиш: «брон» – коричневым и «штайн» – камень. В первой половине XIX века род Бронштейнов мигрировал с Полтавщины осваивать новорусские степи, целину южноукраинских ковыльных степей. Здесь, около Бобринца, по соседству с немецкими колонистами, они основали поселение Громокля – одноименное название с речкой, правым притоком Ингула длиной чуть больше 100 километров. Существует давний спор, будто Давид Бронштейн был в колонии приемным ребенком, переданным в Громоклю на воспитание по просьбе живущей поблизости овдовевшей княжны, родственница которой родила мальчика от служившего в имении аристократов незаконного сына Пушкина. Воздержусь от собственных оценок. Только плесну масла в огонь полемики. Сторонники родства Троцкого с Пушкиным в качестве одного из решающих аргументов приводят их общее заболевание – падучую. Но сам Троцкий полагал свой недуг унаследованным от матери. Впрочем, на фоне легендарной жизни вождя меркнут любые предания.

Бронштейн-старший обладал некоей пассионарностью, предпринимательским гением. Он без колебаний покинул колонию Громокля и дистанцировался от ее замшелых порядков. Маленький Лев, которого возили в колонию осваивать азы грамоты, с ужасом наблюдал, как

по решению колонистов неугодного, на их взгляд, собрата отправляли в ссылку в Сибирь «как вредного члена общества». Давид Леонтьевич сначала покупал и арендовал земли, и Лев на примере взрослых, соседей отца постигал азы рыночной экономики. Многие помещичьи семьи с их французским языком, бильярдом и прочим беспутством без надлежащего внимания к своему хозяйству разорялись. «Они валились, как сухие листья с дерева». Бронштейн-старший тем временем арендовал все больше земли. Он настолько развернул зерновое хозяйство, что отказался от услуг заезжих негоциантов и экспортировал зерно через посредника прямо в Николаевском порту. Бывали и кризисы. Так, однажды он посетовал, что эта, как ее... Аргентина выборосила слишком много зерна и сбила цены.

Анна Львовна была верующей и любящей матерью. Она выросла в городе и чувствовала себя в селе неуютно. Только четверо из восьми ее детей не умерли в детстве от болезней. Лев был пятым ребенком. Впоследствии его младшая сестра Ольга вышла замуж за большевистского вождя Каменева, а затем ее расстреляли в первые месяцы войны в Орловском центре.

В свои семнадцать лет, уже покинув отеческий дом, Лев порадовался за семью, которая наконец возводила каменный дом, крытый железом: «Родители покупали вообще мало, особенно в старые годы, – и отец и мать умели беречь копейку...» В советское время в этом доме была начальная школа. Ее закрыли к началу 1970-х, во дворе вырыли скотомогильник. Жители соседней Кетрисановки, на берегу Громоклеи, разобрали добротные кирпичи с клеймом «Б» и возвели себе две хаты и летнюю кухню. С той поры над ними подтрунивают: «Вот придут Бронштейны...»

Нет, не придут, не вернуться. В гражданскую вчерашний капиталист из Яновки Бронштейн, владелец земель, стад, кирпичного завода, мельницы, броварни, недвижимости, постоянного двора и аптеки в Бобринце, чудом уцелел, несколько сотен километров прошел по пылающей Украине. Перед смертью начальствовал на государственной мельнице под Москвой, любил на родном украинском посудачить о видах на урожай с наркомом продовольствия Цюрупой. Когда он умирал, Лев стоял на трибуне перед делегатами конгресса Коммунистического Интернационала.

Всех, связанных родственными узами, просто знакомых Троцкого на Кировоградщине репрессировали в 1930-х. Колонию Громоклея уничтожили фашистские захватчики. Сегодня на ее месте голая, без единого камешка степь. До начала 1960-х годов на разоренном яновском еврейском кладбище уцелела одна-единственная надгробная мраморная плита на могиле матери вождя. А затем вандалы прицепили трос к трактору и сорвали надгробие в поисках клада. Не прошло и нескольких недель, как один из них попал под трактор и умер по дороге в больницу, второго убила балка горящего дома.

С 1902 года Троцкий, с небольшим перерывом в 1905–1907 годах (первый, неудачный переворот, суд и побег с этапа на оленях), обитал преимущественно в западноевропейских столицах. Рафинированный литератор, знаток сецессиона и фрейдизма, меломан, он не мыслил утро в Вене без кофейных и папиросных ароматов, утренней свежей газеты и стакана холодной из-под крана воды в «Cafe Central», Herrrengasse, 14. Каким образом ему удалось подчинить себе в 1917 году пугачевщину, фронтовиков, крестьян и рабочих? Венцы – писатель Цвейг, художник Климт – удивлялись самому вопросу о возможности революции в России: «А кто ее там совершит? Троцкий из «Cafe Central» за шахматной доской?» Оказалось, именно он и совершит, прогремит. В 1917 году Урицкий заметил в беседе с Луначарским и Мануильским: «Вот пришла великая революция, и чувствуется, как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого».

Троцкий подчинил, повел за собой массы, потому что говорил с ними на одном языке. До восьми лет он рос среди крестьян, сезонных рабочих, на земле, в селе, которое составляло экономическую и социальную основу тогдашней России. Восемь жгучих степных лет с их кульминацией, уборкой урожая, «жнивями», страдой. За ней приходит молотба на току, за клунями.

Мешки с пшеницей заполняют клуны, Бронштейн-старший трудится наравне со всеми, Лев рядом, с селянами. Крестьяне и их сыновья пошли в 1914 году на фронт и за три года кровопролитий утомились и потеряли веру в лозунги «За царя и Отечество!». Им после отречения от престола царя Николая в феврале 1917-го были глубоко безразличны временные полуправительства с их Чрезвычайными следственными комиссиями (ЧК изобрели при Керенском) и парламентами. Троцкий в 1917 году не сомневался, что эти люди мечтают о безоговорочном избавлении от ужасов войны, гнета помещиков, о своем хлебе. Ленин тогда же признался, что он сам голодающие массы воспринимает отстраненно: «О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы».

Троцкому уходить в люди было ни к чему. Вождя воспитала сельская украинская глубинка: «В мастерской, в людской кухне, на задворках жизнь раскрывалась передо мною шире и по-иному, чем в семье... Многие из тех бесед вошло в сознание навсегда. Многие, может быть, легло в основу моего отношения к современному обществу».

Маленький Лев навсегда запомнил, как пороли провинившихся, арестовывали пришлых батраков за неисправные документы; на его глазах проходили первые в его жизни забастовки. На Херсонщину в жатву на заработки приходило до 300 тысяч «заробитчан» с Киевщины, Черниговщины, Полтавщины. Шли целыми семьями, неделями, пешком, питались буквально краюхой хлеба. До Покрова, около четырех месяцев жили под открытым небом в поле, в дождь укрывались в стогах.

В обед ели постный борщ и кашу, на ужин – пшенную кашу, мяса в хозяйские харчи не добавляли. Лев наблюдал, как иногда жатву прекращали и забастовщики собирались в тени амбаров, ложились животами на холодную землю, загибая вверх черные, все в трещинах ступни, и ждали. Им выносили кислого молока, арбузы, тарань, и они с песней возвращались в поле. Часто из-за обезжиренности снеди (жиры давали скудно и исключительно растительные) тяжело работавшие от рассвета до заката люди повально заболевали куриной слепотой.

Будущий вождь пролетариата представление о фабриках и заводах получил в мастерской, главном месте Яновки. Там ремонтировали сеялки, сноповязалки, нарезали гайки и винты, растирали краски на каменном кругу, отливали медные подшипники, починяли часы, ремонтировали мебель, точили крокетные шары из слоистой акации. Лев до изнеможения вертел колесо токарного станка: «В мастерской я никогда не был без дела». А крокет станет его любимой игрой. Когда подпольщиком в Николаеве, в 18 лет, он без усталости печатал листовки на гектографе, уроки яновского ручного труда пошли ему впрок.

Однажды кроху-подмастерье заморозил рассказ крестьянина, пытавшегося найти свое счастье на заводе. В мастерскую заявился туго подпоясанный ремненным поясом Игнат в городских сапогах и кожаной куртке с цветной мережкой. День напролет мастера внимательно слушали сказу о неведомом бытии и задумчиво изрекали: «Известно, завод... Это тебе не мастерская... А много там станков?» – «Как в лесу деревьев». Льву привиделся Игнат в стальном лесу: «Ни вверх, ни вправо, ни налево, ни назад, ни вперед ничего не видать, одни машины». А как в том городе прожить? Харчи, квартира? За все плати? Игнат снисходительно просвещал темных земляков: мол, за все надо платить, но ведь и заработок не тот: «За полгода и оделся трошки, и часы себе купил». Вся Яновка во главе с Давидом Леонтьевичем придиричливо разглядывала часы, передавая из рук в руки. Перед этим бесспорным доводом удачи смолкали.

Оплотом большевиков станут пролетарии в первом поколении, в рядах молодого рабочего класса отсталой страны они найдут себе преданных последователей и слушателей. Ленин, Троцкий, Горький, вожди и идеологи большевиков завлекут их революционным идеализмом, непревзойденным горизонтом грядущих времен, убедят, что путь из сельского захолустья до заводской проходной есть лишь первый шаг покорения мира, самоутверждения, светлого будущего.

Учиться Лев начал в семь лет. Его отвозили в колонию Громокля, оставляли у тети Рахили. В начальной школе колонии преподавали русский язык, арифметику и Библию на иврите. Азы грамоты мальчик постигал несколько месяцев. Иногда на неделю и больше Лев сам себе назначал каникулы, возвращался в Яновку: «Я начинал продираться через печатные строки. Я списывал стихи... Я писал стихи». Маленького стихотворца родители против его воли принуждали демонстрировать свои таланты перед гостями. Так он получил первый опыт декламации. Он вкусил от дерева познания, чтение открыло новую эпоху в жизни.

Но Одесса лучше. 1887-1896

Осенью 1887 года Лев уезжает в Одессу получать образование. Его приютили двоюродная сестра с мужем, будущим знаменитым одесским издателем. Моисей Шпенцер в свои 28 лет уже пострадал за народнические, толстовские убеждения, поэтому после гимназии дорога в университет была ему заказана. Правда, к марксизму он был безразличен. Когда молодой журналист гостил у родителей Льва, чтобы подлечить на природе слабые легкие, его взору однажды предстала брей-гелевская картина бредущих с вытянутыми вперед руками пораженных куриной слепотой косарей. Он немедленно опубликовал об этом гневную газетную заметку и вынудил отца Льва держать ответ перед земской инспекцией. Естественно, радости от этого Бронштейн-старший не испытывал. Независимость суждений и энергичность помогли Шпенцеру буквально с нуля основать одесское издательство «Mathesis», занимавшееся публикациями научно-популярных сочинений из области физико-математических наук. В трехэтажном здании в Стурдзиловском (ныне Веры Инбер) переулке он также разместил бланкоиздательство, типографию, литографию.

Провожали в Одессу Льва дружно, всем семейством. Со слезами, разодетого с иголки от портного из самой Громоклеи, с объемным ящиком горшков с маслом, банок с вареньем и других гостинцев. Сначала на лошадях километров сто на юг, к железнодорожной станции Новый Буг. Дальше Николаев, порт, и пароход доставил Льва на берег Южной Пальмиры, украинского Марселя. Спустя сорок лет, в ночь на 10 февраля 1929 года, изгоняемого вождем с женой и старшим сыном отконвоируют на пароход «Ильич» и отправят на остров Принкипо.

На островке в Мраморном море он позже писал: «Жизненная фильма не имеет конца, а я был только у самого ее начала». Школьнику в квартире Шпенцеров определили занавешенный угол столовой. Квартиру эту выделили начальнице казенного училища для девочек, выдающейся супруге Шпенцера, именно так и не иначе заочно отзывались о ней в Яновке, за то, что достигла такой высокой должности и нашла такого умного мужа. В семье Шпенцеров Лев познакомился с городской культурой, приобрел правильные манеры, превратился в воспитанного и образованного отрока. В 11–12 лет маленький горожанин познает востребованность своего литературного дара. Кормилица его двоюродной племянницы Веры (1890–1972) не знала, как задобрить Льва, чтобы он сочинил очередное письмо и мужу в Америку и будто бы брату. Будто бы брат получал изливания любви и признания в готовности примчаться к нему. Мужу кормилицы Веры, который уехал в Америку на заработки, Лев повествовал о мрачном небосклоне ее жизни и требовал присылать доллары. Мальчик соприкоснулся с переживаниями взрослых, запутанными семейными треугольниками.

В двадцатых годах Вера, уже знаменитая поэтесса, напишет около десяти стихотворений, посвященных Троцкому.

Евтушенко предполагает, что они содержат признания в любви: «При свете лампы – зеленом свете – Обычно на исходе дня В шестиколонном кабинете Вы принимаете меня. / Затянут пол сукном червонным, И, точно пушки на скале, Четыре грозных телефона Блестят на письменном столе. / Налево окна, а направо, В междуколонной пустоте, Висят соседние державы, Распластанные на холсте. / И величавей, чем другие, В кольце своих морей и гор, Висит Советская Россия Величиной с большой ковер. / А мы беседуем. И эти Беседы медленно текут, Покуда маятник отметит Пятнадцать бронзовых минут. / И часовому донесенью Я повинуюсь как солдат. Вы говорите: «В воскресенье Я вас увидеть буду рад». / И, наклонившись над декретом И лоб рукою затеня, Вы забываете об этом, Как будто не было меня».

В Одессе, благодаря Моисею Шпенцеру, Лев приобщился к волшебному миру книгопечатания: «Я близко познакомился с набором, правкой, версткой, печатанием, фальцовкой и брошюровкой. Правка корректуры стала любимым моим развлечением. Любовь моя к свежке-

отпечатанной бумаге ведет свое происхождение от тех далеких школьных лет». Блеск Троцкого как хрестоматийного публициста XX века во многом базировался на его знаниях из первых уст основ издательской практики, понимании, где и для кого он пишет. Скорее всего, из него вполне мог получиться газетный магнат. В 1905 году, например, помимо руководства Петербургским Советом рабочих депутатов Троцкий издавал две ежедневные газеты: «Русскую газету» и «Начало». Их общий тираж достигал 100 тысяч экземпляров. Совокупный тираж всей периодики его противников был на 20 тысяч экземпляров меньше. Или вот случился казус в 1912 году, о котором вспоминал Молотов: «Троцкий возмущался, что мы у него украли название газеты «Правда». Письмо писал... Он издавал за границей «Правду» и сказал, что большевики у него украли название, – дескать, так как моя «Правда» популярная среди рабочих газетка, так вот, большевики... хотят вроде как вывеской моей прикрыться».

Однако помимо радостей, царская Одесса заставила юного Льва испытать и чашу унижений. Тогда среднюю школу разделяли на элитарную, гимназию, и обычную, училище. Его заветная мечта о гимназии, классическом гуманитарном образовании разбилась о глухую стену: надзиратели за чистотой самодержавия, православия, народности поштучно, как на амбарных счетах, выделяли, сколько подростков неправославного вероисповедания достойны накоротке общаться с античными героями за одной партой с такими «благонадежными отроками», как, скажем, Керенский. Льву показали от ворот поворот, и он отправился в реальное училище. Да и то «зарубили» на вступительных экзаменах в первый раз, заставили проучиться год в подготовительном классе. Так промывали мозги тем, у кого кроме жажды знаний не было ни протекции, ни взятки. Возможно, отец Льва к тому же поскупился, как говорится, «смазать». Мечтал, что его сын, наследник неграмотного предпринимателя из Богом забытой глубинки, возглавит семейное предприятие, и будет оно процветать. Реальное училище – идеальное место для воспитания будущего капиталиста, тем более что его выпускники получали дополнительно профессию бухгалтера. В грядущем же Давид Бронштейн видел незыблемость, полагал, что тогдашние порядки просуществуют лет триста.

Реальное училище Св. Павла было казенным и одновременно немецким, при лютеранской общине. Что властям предрержавшим казалось подозрительным. Поэтому последний, выпускной класс предписывалось окончить в ином училище, где русский, не немецкий дух. Кто знает, как бы сложилась судьба Льва, если бы ради аттестата ему не пришлось покинуть Одессу и отправляться в седьмой класс училища в Николаеве... Кстати, в Николаев шестнадцатилетний Лев приехал возмужалым, но пока еще индифферентным к марксизму. Когда в 1895 году пресса сообщила о кончине Энгельса, Лев понятия не имел, о ком речь.

Благодаря немецкой обстоятельности, замешанной на лютеранской дисциплине, Лев получил в училище Св. Павла блестящее образование и овладел языком философии, немецким. В младших классах немецкий преподавал сам директор Шваннебах. Основной курс читал Струве, честнейший человек, который страдал от неудач учеников, волновался, уговаривал. Преподавали в училище и французский. Фундаментально, с немецкой обстоятельностью обучали естественным наукам. Именно здесь Лев овладел тем знаменитым на весь мир подходом к труду, который иной цели, чем перфекционизм – совершенство любого процесса, – не признает. Вот почему, кстати, машиностроение – основа экономики Германии при всех ее режимах.

Троцкий был первым образцом для подражания в классе. С тех пор он, как и все отличники, терпеть не мог троечников и недоучившихся выскочек. Иногда доходило до эпатажа. В период ожесточения борьбы вождей за власть, после смерти Ленина в 1924 году, Троцкий позволял себе на партийных ареопагах заниматься чтением немецкой и французской прессы. Возможно, в пику сопернику у Сталина в приемной раз и навсегда было заведено раскладывать ведущую мировую прессу. Будто в любой момент ждали возвращения с чужбины изгнанного и странствующего вождя.

Еще учась в подготовительном классе, Лев открыл для себя театр – спектаклем «Назар Стодоля». Когда Лев приехал на первые каникулы, в Новом Буге его встретил на фургоне отец. Ночью, в степи, закутанный в бурку, сын пересказывал Бронштейну-старшему «Малороссийскую дию Тараса Шевченка» от первой до последней сцены в лицах. Драматизм отношений между людьми школьник испытал на себе в полной мере уже во втором классе. Одноклассники решили проучить жестокого, по их мнению, преподавателя французского. Прибегли к испытанному способу дружного подвывания, не разжимая губ. Хулиганская проделка завершилась расследованием у директора училища. Смелые гуртом, поодиночке на ковре его кабинета многие становились ябедами. Льва несправедливо выставили зачинщиком и исключили с правом возвращения в училище. Первый ученик в классе отлично сдал экзамены и перешел в третий класс. Он получил урок первого политического конфликта: завистники и доносчики на одном полюсе, отважные и гордые, с внутренним стержнем – на другом, а между ними зыбкая бесцельная и равнодушная масса, трясина, ни вашим, ни нашим, приспособленцы, слабые духом.

Одесса открыла школьнику радость чтения, сделала из любознательного и мечтательного сельского мальчика профессионального книгонавта. В первых классах Лев зачитывался Пушкиным, Некрасовым, Салтыковым-Щедриным. В училище приобрел первый самостоятельный опыт издателя, основал рукописный журнал «Капля» и с энтузиазмом первопроходца помещал там свои стихи и рассказы на украинском. «Все, что в дальнейшем жизнь давала интересного, захватывающего, радостного или скорбного, было уже заключено в переживаниях чтения, как намек, как обещание, как осторожный и легкий набросок карандашом или акварелью».

Любовь к художественной литературе была первой, но не единственной. Пытливый ум, который методично тренировали добросовестные преподаватели, носители германской обстоятельности, четкости, выверенности фразы, воспытал страстью к классической философии, обществознанию, высокой теории. Одним из первых таких произведений для юноши стала «Эристика, или Искусство побеждать в спорах» Шопенгауэра. Так, шаг за шагом постигал Троцкий вершины мировой литературы, учился у великих искусству обобщать явления жизни и формулировать собственные подходы. Александр Солженицын обратил как-то внимание на то, что годы пребывания в Одессе оставили Троцкого равнодушным к морю. Да, его влекли другие дали, пыль библиотечных полок была милее всего на свете. Вообще само восприятие Троцким природы, окружающей природы, образов открывает в нем личность, как говорят, не от мира сего. Он предстает дервишем, шаманом, проповедником, в немалой мере носителем догм, он оторван как от природы, так и от самого человечества. Да, на трибуне он без труда завораживал на несколько часов кряду массы слушателей. Но при этом был не в состоянии объяснить то, что им было просто недоступно. Или же сам сомневался в провозглашаемых лозунгах?..

Маленький горожанин Лев не отрывался от книг из-за неумейной тяги к знаниям. Ему не хватало времени побольше узнать, запомнить. Только на каникулах в Яновке он позволял себе транжирить время, мог проскакать верхом на гнедом жеребце до Бобринца, покрасоваться на улицах в назначенных одесским окулистом очках, грамотным, отличником, да еще и лихим наездником, и гордо вернуться домой.

Когда со времен гражданской войны Троцкий превратился в страстного охотника и рыбака, яновская закалка помогала ему в многодневных походах. Школьником Лев уже ходил с отцом в поле на уборку озимой пшеницы, в кожаном поясе с медной бляхой и картузе с желтым сверкающим на солнце гербом. Отец брал у старшего косаря Архипа косу попробовать, «яка озима солома». Косит справно, режет низко-низко, ровно-ровно бреет. Лев замечал, как по-разному наблюдали работники за хозяином. Архип явно одобрительно, некоторые холодно, мол, хорошо ему свое для показу косить. Школьник помогал отцу со счетоводством, вел учет выданных работникам продуктов и денег. Обманов никто не допускал, но отец неиз-

менно жестче сына толковал условия найма. Сын его сторону не принимал, бывало, ссорился и уходил из дому с книгой. Ему был чужд инстинкт приобретательства. От мелкобуржуазного жизненного уклада Яновки он отчалил резким толчком на всю жизнь. А суета торговой, разноплеменной, пестрой, крикливой Одессы навсегда останется в памяти у Льва как годы возмужания, освоения науки мыслить: «Мальчик не был лишен самокритики. Он был даже скорее придиричив к себе... Мысль о том, что нужно стать лучше, выше, начитаннее, все чаще щемила у него в груди. Он думал о назначении человека вообще и о своем в особенности».

Вторая жена Троцкого Н. И. Седова (1882–1962) познакомилась с ним в Париже, где она, местный старожил, помогала обустроиться эмигранту. Первое ее желание состояло в том, чтобы поделиться своими впечатлениями от парижских достопримечательностей, показать красоту музеев. И после первых прогулок услышала в ответ о Париже: «Похож на Одессу, но Одесса лучше». Троцкий пояснял: «В сущности, это была борьба варвара за самосохранение. Я чувствовал, что для того, чтобы приблизиться к Парижу и охватить его по-настоящему, нужно слишком много расходувать себя. А у меня была своя область, очень требовательная и не допускавшая соперничества: революция».

Льву запомнилось 20 октября 1894 года. На другой день отменили занятия, чему тихо радовались школьники. На входе швейцар препровождал всех в большой зал, где батюшка в золотых очках отслужил панихиду по Александру III. «Событие казалось громадным, – вспоминал Троцкий, – даже невероятным, но далеким, вроде землетрясения в чужой стране».

Когда шестнадцатилетний Лев покидал Одессу, он и подумать не мог, что через два года его ожидает узилище, ссылка, что вот-вот придет конец размеренному ходу жизни отличника, который благодаря успешному отцу, крепкому и зажиточному роду не знал, что такое материальная нужда. Но высокообразованный благодаря семье Шпенцеров и добросовестным преподавателям немецкой школы юноша с пытливым умом наверняка осознавал и почувствовал атмосферу конца эпохи, конца столетия. Царская Одесса являла собой блестящую иллюстрацию неразрешимых противоречий, сопровождавших развитие экономики, общества и вековых монархических устоев, замешанных на отсталости и постыдных суевериях (вроде «тяжелого» понедельника или попа, который перешел дорогу). Там, в школе, Троцкий столкнулся однажды с извечной формулой раболепия, с которым он будет всю жизнь бороться. Он критически отозвался о директоре. Одноклассник возмущенно одернул его, потому что о директоре нельзя так говорить. Лев изумился: «Почему?» И удостоился назидания: «Да ведь он же начальник. Если начальник прикажет тебе на голове ходить, то ты обязан ходить, а не критиковать».

Одесса, морской порт первостатейной важности, локомотив капитализма на юге империи, задыхалась от режима бездушия и чиновничьего формализма. В самом полицейском городе властвовал бывший контр-адмирал Павел Зеленый. Лев один раз слышал и видел его со спины: «Градоначальник стоял во весь рост в своем экипаже, хриплым голосом выпускал на всю улицу ругательства и потрясал вперед кулаком». Однажды Павел Зеленый встретил в буфете знаменитого дрессировщика. Рывкнул: «Встать!» Артист невозмутимо остался сидеть. Градоначальник не унимался: «Ты, олух! Я – Зеленый!» Основатель «уголка Дурова» пообещал вступить в беседу, когда его визави созреет. Вечером на арену цирка Одессы выбежала зеленая свинья. Гастроли запретили. Школьные одесские годы воспитали во Льве оппозиционера: «Откуда? Из условий эпохи Александра III, из полицейского самоуправства, помещичьей эксплуатации, чиновничьего взяточничества, национальных ограничений, из несправедливостей в училище и на улице, из близких связей с крестьянскими мальчишками, прислугой, рабочими, из разговоров в мастерской, из гуманного духа в семье Шпенцера, из чтения стихов Некрасова и всяких других книг, изо всей вообще общественной атмосферы».

Николаев. 1896–1898. «Товарищи по саду». Первая любовь. Первый арест

В 1896 году мыслящие люди в России очередной раз убедились в никчемности царизма. Празднование в мае в Москве коронации Николая II окончилось давкой среди собравшихся числом до полумиллиона на Ходынском поле. Тысячи людей погибли из-за бездарной и преступной организации торжеств, в том числе на основе банального казнокрадства, а императорская чета вечером отплясывала кадрили на балу у французского посла. Впрочем, править Романовым оставалось недолго. В том же 1896 году, после полицейской Одессы и немецкой интеллектуальной муштры, непрерывных споров о высоком в семье двоюродной сестры Лев Троцкий очутился в провинциальном Николаеве, в слабеньком бурсацкого уровня училище, куда мог и не ходить.

Что делать, когда тебе семнадцать, ты самоуверен, уже научился расслабляться с папироской и парой пива? Влюбиться – это раз, а два – увлечься нелегальными и конспиративными, дающими выход максимализму и страсти к самоутверждению «новыми течениями». Лев завел дружбу с чехом Швиговским, ведь тот читает газеты на немецком, осведомлен о «народниках», марксистах и прочих, достает запрещенные книги. А главное, как садовник, живет в отдельном однокомнатном домике. Там собирается молодежь, иногда приходят вчерашние ссыльные, которых отпустили под полицейский надзор. Они, предтеча старых большевиков, которые в будущем немало поспособствуют низложению Троцкого, сыпали именами и кличками борцов за светлое будущее, воодушевленно и снисходительно делились былями и небылями о собственных подвигах. Наверное, атмосфера этих посиделок во главе с «бывалыми» была сродни тем бесконечным выяснениям отношений, которые сопутствуют копании в делах забытых советских диссидентов и «шестидесятников». Как выразился бы сам Троцкий, от них идет «запах затхлости».

Сама фигура Швиговского вызывает большие сомнения. Не успел его однокомнатный домик обрести славу подпольного центра, как его хозяин перебазировался в другой, пообширнее, сад с просторной избой. Места уже хватило для организации и проживания под его покровительством «коммуны» из шести-восьми «смутьянов». И все им сходило с рук, даже когда «коммунары» принялись агитировать единственного наемного рабочего в саду (других николаевских рабочих они попросту не знали). А каналья оказался «ряженым», жандармом, скрылся от непрошенных учителей с кипой их запрещенных книг. Правда, в разгроме созданной вскоре на месте кружка-коммуны подпольной структуры Троцкий обвинил некоего плотника, который сочинил на украинском думу о Карле Марксе, а потом выдал полиции всех, кто вместе с ним ее распевал.

А пока в «секту» садовника и Льва влились его старший брат Александр, братья Соколовские, Григорий и Илья, будущий автор ехидных записок о вожде Г. Зив. Жили по-спартански, сами готовили еду, бродили по Николаеву в синих блузах, в соломенных брылях на голове и с черными посохами в руках. Илья впоследствии стал редактором «Одесских новостей», печатал в 1908–1912 годах Троцкого. Семья Соколовских – выходцы из Верхнеднепровска (где, кстати, в 1918 году родился первый секретарь ЦК КПУ в 1972–1989 годах В. В. Щербицкий) – уже давно обитала в Николаеве.

В семье Соколовских, начиная с главы семейства, все как один отвергали существующий строй. Самой грамотной и просвещенной марксисткой была старшая дочь Александра Львовна. Она единственная из «товарищей по саду» читала Маркса, первый том «Капитала» (кстати, Маркса в России никто не запрещал, и его там издавали начиная с 1882 года). Александра стала первой любовью и женой Троцкого. Их первое свидание произошло во вре-

мена «коммуны». К неопиту с огромной копной непокорных вьющихся волос (при отсутствии хотя бы следа щетины на лице) подошла и протянула руку уверенная в себе, старше его на семь лет стройная девушка, с крепкой грудью, пышноволосяя, полногубая, румянощекая, с серыми большими глазами. Лев предложил Саше прогуляться по магазинам и купить ей красивое платье. Соколовские жили бедно, а Лев хоть и отказался от помощи из Яновки, но подрабатывал репетитором николаевских недорослей, так что какие-то деньги у него имелись. Девушка поход за нарядом отвергла с ходу, и тогда Лев и Саша отправились в долгую прогулку, закончившуюся в большом сарае на отшибе, на душистом сене.

С тех пор Лев скрепя сердце был вынужден смягчать направленность своих речей в садовом домике и перестал обзывать марксизм «надуманным учением лавочников и торгашей». Ведь поначалу он охотно обрушивался на Маркса, не прочитав у него ни строчки, исключая, как он рассказывал после 1917-го, рецензии легального марксиста Михайловского. Правда, современники предполагают, что Лев и Михайловского толком не читал. Тем временем Троцкий продолжал искать себя, иногда заявляя, что он социал-демократ, а иногда – что немарксист либо скромный слуга народа.

В ноябре 1898 года Лев обратится к Саше из одесской тюрьмы: «Ты на меня с самого начала произвела хорошее впечатление, хотя я и был предубежден против тебя, так как знал, что ты строптивейшая марксистка». Девушка с нежными глазами и железным умом отвечала: «Любовь! Я чувствую ее неистовство! И это неистовство вызывает во мне ты. С тех пор, как я поняла, что люблю тебя, ты в воображении предстаешь перед моими глазами, я смотрю на тебя, я слушаю тебя, я говорю тебе, что я люблю тебя».

До января 1898 года, до первого своего ареста, Троцкий воплощал на практике свои теории бунта меньше года. В феврале 1897 года Россия забурлила, ее захлестнули студенческие манифестации. На волне всеобщих требований либеральных изменений Лев поделился с Григорием Соколовским: «Надо найти рабочих, никого не дожидаться, никого не спрашивать, а найти рабочих и начать». Увы, брат Саши знал одного пролетария, сторожа на бульваре. И хотя он давно покинул сторожку, там, на беду, оказалась какая-то незнакомая женщина, которая свела «коммунара» с кем-то еще... Соколовский со словами: «Вот это люди так люди!» прибежал к товарищу. Его глаза горели. На следующий день «коммунары», как водится на Руси, обмывали в трактире свою смычку с пролетариями под аккомпанемент музыкального автомата. А Лев Бронштейн наконец почувствовал себя настоящим конспиратором и вальяжно представился: «Львов». В материалах следствия насчитали около 30 нелегальных сходок в Лесках и Спасском урочище, указан адрес: ул. Мещанская, дом 33 (ныне Гражданская), где собирались у подпольщика и электротехника Мухина, который оборудовал квартиру сигнализацией на случай облавы. Мухин агитировал образно. «Мухин, худощавый, борода клинышком, – писал Троцкий, – щурит лукаво умный левый глаз, глядит дружелюбно, но опасно на мое безусое и безбородое лицо и обстоятельно, с лукавыми останочками, разъясняет мне: «Евангелие для меня в этом деле, как крючок. Я с религии начинаю, а перевожу на жизнь. Я штундистам на днях на фасолях всю правду раскрыл». – «Как на фасолях?» – «Очень просто: кладу зерно на стол – вот это царь, кругом еще обкладываю зерна: это министры, архиереи, генералы, дальше – дворянство, купечество, а вот эти фасоли кучей – простой народ. Теперь спрашиваю: где царь? Он показывает в середку. Где министры? Показывает кругом. Как я ему сказал, так и он мне говорит. Ну, теперь постой, – говорит Иван Андреевич, – теперь погоди». Он вовсе закрывает левый глаз и делает паузу. Тут я, значит, рукой все эти фасоли и перемешал. А ну-ка покажи, где царь? Где министры? Да кто ж его, говорит, теперь узнает? Теперь его не найдешь... Вот то-то, говорю, и есть, что не найдешь, вот так, говорю, и надо все фасоли перемешать».

Тогда в Николаеве на 92 тысячи населения приходилось около 8 тысяч заводских рабочих. На Николаевском судостроительном они хорошо зарабатывали, имели восьмичасовой рабочий день. К ним пришли революционеры и поманили в светлое грядущее. На ином рубеже

приговоренной империи, близ Тифлиса, в 1898 году Коба тайно пробирался из семинарии в Мтацминда в маленький прислонившийся к скале домик, где его пламенным речам внимали рабочие железнодорожных мастерских. В феврале 1897 года Ленин получил первый приговор, ссылку в село Шушенское Енисейской губернии. А выпускник ташкентской гимназии Саша Керенский в 1899 году поступил в Санкт-Петербургский университет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.